

РАЗИНОВ Юрий Анатольевич / Yuriy RAZINOV

| Ложное как падшее: к анализу раннегреческого понятия «псевдос» |

РАЗИНОВ Юрий Анатольевич / Yuriy RAZINOV

Россия, Самара.
Самарский государственный университет.
Кафедра философии гуманитарных факультетов.
Кандидат философских наук, профессор.

Russia, Samara.
Samara State University.
Department of Philosophy, Humanities faculties. Ph. D., professor.

razinov.u.a@gmail.com

ЛОЖНОЕ КАК ПАДШЕЕ: К АНАЛИЗУ РАННЕГРЕЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ «ПСЕВДОС»

В статье исследуется семантическое богатство ложного. На материале раннегреческого мышления выявляется и анализируется сложная конституция ложного, представленного в различных аспектах и формах, прежде всего, в модусах забвения, заблуждения и обмана. Трактую ложь как двоякий феномен сокрытия и бытия-сокрытым, автор различает две формы: латентное и экранирующее сокрытие. Анализ энергийного аспекта раннегреческих понятий «алетейя» и «псевдос» позволяет раскрыть ложь как феномен *падения*.

Ключевые слова: истина, ложь, сокрытие, забвение, обман, экран

False as the Fallen: An Analysis of the Early Greek Concept of ψεύδος

The paper investigates the semantic variety of falsity. The author identifies and analyzes the complex constitution of falsity on material from early Greek thought. The concept of falsity is presented in various aspects and forms, especially in relation to such modes as oblivion, delusion and deception. Treating a lie as a dual phenomenon, comprised of concealment and being-hidden, the author distinguishes between two forms: latent and screening concealment. An analysis of the energetic aspect of the early Greek concepts "Alethea" and "pseudos" allows him to expose the lies as a phenomenon of the Fall.

Key words: truth, lies, concealment, oblivion, deception, screen

Продлав глубокий и всесторонний анализ термина «алетейя» (истина), М. Хайдеггер создал определенный задел и в трактовке противоположного ему понятия «псевдос» (ложь). Более того, в его поздних трудах все отчетливее звучит мотив *истолкования истины из существа ложного*. В цикле лекций о Пармениде философом представлена не только сложная конституция раннегреческого опыта несокрытости (ἀλήθεια), но и не менее сложная констелляция опыта сокрытия и забвения (ψεῦδος и λήθη). Эти два феномена — *сокрытие* и *забвение* — образуют семантическую складку, на основе которой Хайдеггер преимущественно истолковывает существо ложного. Вместе с тем он признает, что «не каждый раз ложное представляет собой одно и то же»¹. Ложное таит в себе «смысловую многозначность» и даже «своеобразное сущностное богатство»², которое он призывает осмыслить.

Последнее замечание имеет для нас особый смысл. Оно открывает перед нами дорогу для аналитики сферы ложного как

сферы сложных («складчатых») феноменов, которая может быть продолжена путем дальнейшей дифференциации способов сокрытия и бытия сокрытым. Но для начала такой работы нам необходимо вернуться к самому понятию «алетейи», выделив в нем весьма важный для нас *энергийный* аспект.

1. Энергийный аспект истины и лжи: ложное как «падшее» и «лежащее»

Определение истины в качестве несокрытости и отрицания сокрытости (ἀ-λήθεια), в качестве того, что завоевывается в борьбе со скрывающей силой забвения, открывает вид на истину как на энергетическое отношение, борец, тяжбу. Истина в раннегреческом понимании — не столько продукт методически организованного исследования природы, сколько результат борьбы и испытания. «Истина никогда не наличествует “в себе”, но завоевывается»³ — говорит Хайдеггер. Такое понимание, будучи отброшенным на обочину научно-технического, никогда не исчезало. На фоне фронтального исследования природы «это исполненное внутренней борьбы существо истины

¹ Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А. П. Шурбелева. — СПб.: Владимир Даль, 2009. — С. 71.

² Хайдеггер М. Парменид. С. 81, 83.

³ Хайдеггер М. Парменид. С. 45.

РАЗИНОВ Юрий Анатольевич / Yuriy RAZINOV

| Ложное как падшее: к анализу раннегреческого понятия «псевдос» |

уже две с половиной тысячи лет светит в самом тишайшем из всех огней»⁴.

Но что значит: «истина есть тяжба»?

Согласно изречению Гераклита «природа любит прятаться», то есть сила сокрытия, а следовательно, искажения и забвения принадлежит самой природе. Это же означает, что истина есть — выведение сущего из естественной потаенности «фюзис». Такое выведение, однако, не гарантирует однозначного исхода, ибо истина предполагает борьбу, схватку, силовое противостояние сторон, спор, наконец. Истина в смысле «алетейи» — не просто тема для отвлеченного созерцания. Она — предмет тяжбы. «Греки понимают истину как добычу, которая должна быть вырвана у утаенности в противоборстве с самой “фюзис”, стремящейся утаиться»⁵. Вместе с тем истина не просто рождается в споре о сущем, а сама есть этот спор, идущий внутри экзистенции, вступившей в отношение к сущему. Как добыча «она не просто налична, напротив, в качестве открытия она требует в конечном счете вовлечения всего человека»⁶.

Характеристика истины в качестве спора и добычи открывает путь для соответствующей интерпретации лжи. Если истина есть борьба, то чем оказывается ложь в этом энергийном аспекте?

Для ответа на этот вопрос обратимся к небольшому фрагменту из диалога «Кратил», в котором Платон, занимаясь этимологией греческих слов, дает едва ли не единственное «прямое» определение сущности лжи. Этому определению предшествует истолкование слова ἀλήθεια, с которым внутренне связано понятие ложного. О происхождении термина «алетейя» Платон говорит следующее: «А что касается истины (ἀλήθεια), похоже, что и это имя составлено из других слов. Очевидно, им назван божественный порыв сущего (θεία του οντος φορά) — так, как если бы это было божественным наитием (θεία ἄλλη)»⁷.

А. Ф. Лосев справедливо называет платоновскую этимологию «смехотворной»⁸. Однако это не должно сбивать с толку, так как нас интересует не происхождение термина, а вкладываемый в него смысл. Этот смысл легко упустить за очевидной нелепостью данного Платоном истолкования.

Поэтому обратим внимание на некоторые детали, прежде всего, на такие «энергоёмкие» термины, как «порыв» и «наитие» («наваждение»). Слово φορά, употребленное в выражении θεία του οντος φορά («божественный порыв сущего»), помимо основного значения, каковым является «несение», имеет в виду так же «быстрое движение», «течение», «порыв ветра», «напор», а в переносном смысле «страсть»⁹. Слово ἄλλη, которое Платон, вводит в основу слова «алетейя» (θεία ἄλλη), переводится как «наитие», но так же означает «беспокойство», «смья-

тение», «помешательство» и даже «безумие»¹⁰. Таким образом, вся конструкция Платона указывает на истину как активное и энергичное воздействие, оказываемое на душу сущим как таковым. «Несокрытость» есть напор со стороны сущего, результатом которого становится смятение души, выведение ее из состояния покоя и безмятежности. Кроме того, *событие* истины, если таковое имеет в виду Платон, характеризуется состоянием *захваченности* и *одержимости*. То, чем захвачена и одержима душа — само сущее, которое раскрывается в порыве. Этот порыв, это «наваждение», имеет ко всему прочему божественную природу. Истина есть «божественный порыв» (θεία του οντος φορά), то есть богоодержимость.

Истолковав слово «истина» таким образом, Платон переходит к интерпретации термина «ложь». Основным словом для его обозначения в греческом языке является τὸ ψεῦδος. При этом «псевдос» получает такое же псевдоэтимологическое обоснование, как и «алетейя». «А вот “ложь” — сообщает Сократ — это имя противоположно порыву. Ведь всё, что порицается, обращается вспять и этой задержкой как бы принуждается к покою. Поэтому имя “ложь” (ψεῦδος) выражает лежание спящих (καθεύδοντες), а звук “пси” придан этому слову, чтобы скрыть значение имени»¹¹.

Посмотрим на это определение столь же внимательно. Очевидно, то здесь имеет место все та же «смехотворная лингвистика». Объясняя слово καθεύδοντες, Платон совершенно произвольно устанавливает связь глагола εἶδω («спать») с существительным ψεῦδος («ложь»). Делается это так: сначала Платон отсекает часть приставки καθ- (=κατα) со значением «сверху вниз» от слова καθεύδω («ложиться спать») ¹², затем включает в корень «фиту» (ϑ), а после этого меняет ее на «пси» (ψ). При этом он ещё и сочиняет «конспирологическую» версию такой замены: «звук “пси” придан этому слову, чтобы скрыть значение имени». В результате данной подтасовки надуманное слово θεύδω трансформируется в ψεῦδο. Таким образом слово, означающее сокрытие и полог, само становится результатом и символом сокрытия и подлога. Платон ведет себя как шарлатан, но все же первостепенное значение для нас имеет смысл, который он протаскивает подобным истолкованием.

Сразу отметим, что ложь определяется как состояние «противоположное порыву». Она характеризуется в терминах «покоя», то есть приостановкой душевного движения, волнения. Как вязкое и дремотное состояние души ложь энергетически непотенциальна, так сказать, «обесточена». Во-вторых (что особенно важно), Платон связывает «ложь» с «лежанием», то есть с «горизонтальным» положением уснувшей души, которая противопоставлена «вертикальной» устремленности бодрого духа. Само же «лежание» ассоциировано со сном, а сон архитипически осмыслен всей античной культурой как состояние пассивного разума. Благодаря произвольной связи со словом καθεύδοντες, само «лежание» каннотировано направлением «сверху вниз», что и указывает на «падение» или «стеление», то есть тягу к поперанному земному началу. Данное обстоятель-

⁴ Хайдеггер М. Парменид. С. 46.

⁵ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9. — С. 136.

⁶ Там же.

⁷ Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. С. 658.

⁸ Лосев А. Ф. Примечания к диалогу «Кратил» // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. — С. 826.

⁹ Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. С. 1323; Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь / под. ред. С. И. Соболевского: в 2 т. Т. 2, «А-Л». — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. — С. 1742.

¹⁰ Вейсман А. Д. Указ соч. С. 51; Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь / под. ред. С. И. Соболевского: в 2 т. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. Т. 1. — С. 77.

¹¹ Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. С. 658.

¹² Дворецкий И. Х. Указ. соч. С. 850.

РАЗИНОВ Юрий Анатольевич / Yuriy RAZINOV

| Ложное как падшее: к анализу раннегреческого понятия «псевдос» |

ство подчеркивается тем, что ложь характеризуется в качестве того, что «порицается и обращается вспять». Наконец, третья деталь состоит в том, что ложь связана с «задержкой» и «принуждением» к покою, то есть противодействием со стороны «алетейи». Сама «несокрытость» принуждает ложное к покою, как бы лишая ее энергии движения.

Совмещая в одной семантической плоскости эти два энергетических определения «алетейи» и «псевдос», Платон имеет в виду *сопротивление*, которое бодрствующая душа способна оказать своему собственному соскальзыванию и впадению в состояние забвения. Но это же означает и то, что ложь по-своему *потенциальна*, что она сама способна подавлять энергию раскрытия («алетейи»). Ведь всякое противостояние сторон, исходит из их собственной устойчивости. Само слово «несокрытость» означает отрицание сокрытости, а из этого следует, что «алетейя» и «псевдос» в определенном смысле равновесны и, скажем так, «конкурентны».

Иными словами, речь идет о собственной энергии ложного, которая питает силу забвения, фантазма или обмана. Стало быть, задача заключается в том, чтобы осмыслить само *бытие* ложного, которое упущено в формальном определении лжи в качестве «неистины». Данная задача ориентирует нас на один из важных, но не раскрытых тезисов экзистенциальной феноменологии Хайдеггера, согласно которому человеческое «присутствие (Dasein) равносходно существует в истине и неистине»¹³.

Такой намек на «равносходность» едва угадывается в наивной этимологии раннего Платона. Однако в последствии он полностью утрачивается на путях строительства метафизической вертикали. Ложное окончательно дезонтологизируется. Оно становится феноменом от-падения, и даже *грехо-падения*.

Данное отношение закрепляется в теории познания Платона в виде представления о том, что душа, первоначально в находившаяся гипостазированном мире идей, и тем самым пребывавшая в истине, затем низвергается на землю и впадает в состояние забвения («лежания спящих»). Земной путь познания истины, понимается Платоном как *анамнесис* — припоминание того, что душа знала, находясь в идеальном мире, но забыла в результате отпадения.

Понимая ложь как феномен падения, Платон вместе с тем завершает дело мифологии. С одной стороны, он реализует мифологическую антитезу «земли» и «неба», а с другой стороны, ее завершает. Платон начинает мыслить антитезу истины и лжи в контексте основной идеи «осевого времени», каковой является идея *пути*. Падение души в мир «дольный» и последующее ее восхождение к «горнему» миру есть этапы этого пути. Коль скоро «божественная алетейя» становится достоянием небес, то ложь оказывается характеристикой падшего мира.

Этому движению «сверху-вниз» отвечает сама семантика термина «ложь». В языках индоевропейской группы, в главных европейских языках, образуются лингвистические пары, в которых «ложь» и «лгать» сочетаются с глаголами «лежать» или «падать». В английском — это *lie* и *to lie*, в немецком — *lge* и *liegen*, в русском — это «ложь» и «лежать». Латинское *falsum* (ложь) образовано от глагола *fallo* (*fallere*), который

помимо позднего значения «обманывать» и «вводить в заблуждение» имеет раннее значение «сбить с ног», «ронять», «заставлять скользить», буквально, «подскальзывать»¹⁴. Соответствующим образом в одном словарном гнезде расположены и английские латинизмы *false* (ложный) и *fall* (падать), а так же немецкие *falsch* и *fallen*. Хайдеггер напрямую связывает романское значение *falsum* с падением и низложением. Он пишет: «Основой римского слова *falsum* (*fallo*) является “fall” (падение), родственный греческому *σφάλλω*, что означает “приводить к падению”, “валить”, “делать шатким”»¹⁵. Семантика низлежащего ложного очевидно присутствует и в русском слове «подлог», являющемся синонимом заимствованного слова «фальшь» (*falsum*, *false*). Фальшивое или подложное есть такое ложное, которое присутствует в подмене, падении и лежании.

В соответствии с данной этимологией ложное означает зыбкость, неустойчивость сущего, приведение к падению и соскальзыванию в/за бытие. Такую падкость и низложенность греки считали основной чертой «псевдос» в противовес «алетейе», как прямостоящей и вознесенной до божественных высот. Такую устойчивость и вертикальную устремленность имел в виду Парменид, когда придал термину истины эпитет *ἀτρέμεια*, что означает «непоколебимая», «бездрожная», «несотрясаемая», то есть не способная упасть¹⁶. Такой характеристике истины соответствует ложь, понятая как продукт опровержения и ниспровержения. То есть концепт лжи — результат вторичной символизации падения по отношению к тому первичному акту, который несет в себе миф низвержения кривды (*Ἀδίκη*) под ударами правды (*Δίκη*).

Таким образом, в энергетическом аспекте мы имеем дело с двумя видами ложного. Во-первых, это ложное в смысле спонтанной силы *забвения*, в которое душа «сваливается» сама собой, то есть, это в некотором роде «бессознательное» ложное. Такое ложное обозначается греческим термином *λήθη*, обычно переводимым как «забвение». Во-вторых, мы имеем дело с определенным образом выявленным и дискредитированным ложным. Это ложное, «приведенное к покою» и смирению, схваченное и «посаженное за решетку». Такое ложное Платон называет *ψεύδος*. Если первое ложное находится «на свободе», пребывает в состоянии действия и по-своему энергично, то второе приведено к бездействию, обезоружено, благодаря активному противодействию «проснувшейся» души. Такое ложное мы обычно называем *заблуждением*. При этом важно выделить ещё и третий вид ложного, которое призвано к бытию действием сознания, направленным на отрицание истины. Такой вид лжи мы обычно называем обманом, а греки имену- ют *ἀλάτι*. Что касается данного модуса лжи, то можно констатировать следующий факт: при всех приоритетах, отданных в «осевое время» истине и правде, античная культура сохраняет высокую степень лояльности к обману. Способность обманывать нередко получала оправдание, а вот излишняя правдивость, напротив, могла подвергнуться осуждению. В частности

¹⁴ Латинско-русский словообразовательный словарь / Авт. — сост. Г. В. Петрова. — М.: «Оникс»; «Мир и образование», 2008. — С. 208.

¹⁵ Хайдеггер М. Парменид. С. 91.

¹⁶ Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und deutsch / Von H. Diels; hrsg von W. Kranz. 9 Aufl. I–III. Bd I. — Berlin, 1960. — S. 230.

¹³ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad marginem, 1997. С. 223.

РАЗИНОВ Юрий Анатольевич / Yuriy RAZINOV

| Ложное как падшее: к анализу раннегреческого понятия «псевдос» |

об этом свидетельствует постгомеровский спор «кто лучше»: правдиво-простоватый Ахиллес или лукаво-лживый Одиссей¹⁷?

Неоднозначность решения этого вопроса у различных авторов, в том числе и у Платона, в купе с феноменологическим представлением о лжи как о феномене *равноисходном с истинной* требует того, чтобы, отложив в сторону вертикально-метафизический жест Платона, рассмотреть ложь как своего рода «горизонтальный» и к тому же складчатый феномен.

Итак, перед нами три вида ложного, схваченного греческими терминами ψεύδος, λήθη, ἀλάτι.

2. Ложь как феномен экранирующего сокрытия: ψεύδος, λήθη, ἀλάτι.

Выводя понятие ἀλήθεια из лексической основы λήθη, Хайдеггер заостряет внимание на том, что само слово λήθη не является прямым антонимом к ἀλήθεια. Таковым является неоднокоренное τὸ ψεύδος, которое обычно переводят как «ложь», не слишком вникая в то, что здесь означает ложное¹⁸. «Если в корне “λαθ” слышится “сокрытие”, то ψεύδος такого сокрытия не подразумевает, по крайней мере, сразу оно не выступает на первый план¹⁹. Между тем, утверждает философ, «греческие антонимы ἀλήθεια и ψεύδος по смыслу ближе друг другу, чем соответствующие немецкие»²⁰. Данная близость позволяет ему интерпретировать ложное в ракурсе сокрытого (λήθεις). «Ψεύδος, — пишет он, — принадлежит к сущностной сфере укрывания, то есть к разновидности сокрытия»²¹.

Но если речь идёт о *разновидности*, то в силу этого важно не только смысловое сближение λήθη и ψεύδος, но и их разведение. Сближением терминов Хайдеггер решает задачу феноменологической интерпретации ложного в ракурсе сокрытого и бытия сокрытым. Вместе с тем, как было сказано в начале, ложность предполагает «смысловую многозначность». Покажем, что данная многозначность обусловлена тем, что ложное — не только продукт бессознательно-пассивного состояния души, но и сознательно-активного действия. Речь может идти о различных сочетаниях *активно-пассивного* отношения к действительности. В самом общем виде это отношение выражается в различии модусов «скрывать» и «быть сокрытым».

Начнем с той модальности лжи, которая характеризуется состоянием наибольшей пассивности. Таковым является ложь забвения (за/бытия).

Слово λήθη, лежащее в основании ἀλήθεια, обычно переводится как «забвение». Но вопрос заключается в том, как мыслить само забвение? В русском языке слово «за-быть» имеет в виду ускользание «за бытие», то есть особого рода *бытийную закрытость*. Скрывающая сила забвения столь властна и онтологически самостоятельна, что не требует никакого дополнительного (сознательного) акта искажения реальности. Забвение самоосновно и самодостаточно как мифологическая река Лета, захватывающая и увлекающая своим течением явления

сущего. Причем ложное, мыслимое в λήθη настолько самостоятельно, что сама *алетейя* утверждается лишь посредством его отрицания, посредством выхватывания явления из стихии забвения²². Такая форма сокрытия предположена самой природой, которая, согласно изречению Гераклита, не только скрывает, но и сама предпочитает прятаться. При этом речь не идёт о том, что природа намеренно вводит кого-либо в заблуждение. Она никого не обманывает. Просто она *есть как сокрытая*.

При этом надо иметь в виду еще один семантический план: слово λήθη находится в смысловой связи с глаголом λήσω («избегать», «ускользнуть») и производным от него глаголом λανθάνω («быть сокрытым, оставаться в тайне от кого, быть или оставаться незамеченным кем»²³). Согласно Хайдеггеру, значение глагола «скрывать» для греческого мышления имеет совершенно иной смысл, нежели для европейского. То, что европейцами воспринимается как «скрываю», то есть с акцентом на субъективность, для греческого слуха означает «пребываю в сокрытости». Быть же сокрытым и сокрытым для греков вообще не означает *скрывать что-то от других* и таким образом представлять сущее в ложном свете, то есть исказить и обманывать. Сокрытие в данном смысле не имеет целью *создание видимости*. Как подчеркивает Хайдеггер, ««сокрытое» и «несокрытое» — это характер самого сущего, а не особенность восприятия и улавливания»²⁴.

Для пояснения этой едва уловимой, но принципиальной разницы Хайдеггер обращается к Гомеру, у которого о плачущем Одиссее говорится следующее: «От всех прочих гостей он скрыл набежавшие слезы»²⁵ [Одис. 8:93]. То, что по-европейски воспринимается в качестве высказывания «Одиссей (намеренно) скрыл свои слезы от других», — по-гречески имеет иной смысл: «проливающий слезы Одиссей пребывал в сокрытии от других», ибо глагол λανθάνω, находящийся в медиапассивном залоге, означает не «я скрываю», а «я сокрыт». Иными словами, Одиссей не ставил перед собой задачи *вести в заблуждение* окружающих путем напускного веселья или наигранного равнодушия. Он просто незаметно для них плакал и *оставался сокрытым как плачущий*²⁶. В этом отношении русский перевод В. В. Вересаева, в котором нет акцента на субъекте, стилистически лучше передает эту бытийную сокрытость Одиссея: «Скрытыми слезы его для всех остальных оставались»²⁷.

Итак, Одиссей, уединившийся в своем печальном настроении, на время покидает мир друзей и оказывается для них в за-бытии. Он пребывает в *латентном* состоянии. Такое состояние отъединённости греки связывали с мифологическим погружением в реку забвения — Лету. Временное выпадение из области наличного и пребывание в забвении, нахождение в буквальном смысле за *бытием*, есть особый способ присутствия, которое можно назвать *латентным присутствием*. По-

¹⁷ Подробнее рассмотрено в статье: Разинов Ю. А. Влечение к обману, Или чем хитроумный Одиссей лучше правдивого Ахиллеса // Вестник Самарского государственного университета. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. № 2/1 (93). С. 12–18 / http://vestnik.ssu.samara.ru/articles/93_2.pdf

¹⁸ Хайдеггер М. Парменид. С. 55.

¹⁹ Там же. С. 53.

²⁰ Там же. С. 53.

²¹ Там же. С. 73.

²² Подробнее об этом см.: Разинов Ю. А. Понятия «истинного» и «ложного» у Гомера // Вестник Самарского государственного университета. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. № 8 (99). С. 25–31 / http://vestnik.ssu.samara.ru/articles/99_4.pdf.

²³ Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. С. 750.

²⁴ Хайдеггер М. Парменид. С. 60.

²⁵ Там же. С. 58.

²⁶ Там же. С. 58–59.

²⁷ Гомер. Илиада; Одиссея / пер. с древнегреч. В. В. Вересаева. — М.: Просвещение, 1987. — С. 185.

РАЗИНОВ Юрий Анатольевич / Yuriy RAZINOV

| Ложное как падшее: к анализу раннегреческого понятия «псевдос» |

скольку в λήθη сокрыто главным образом само сокрытие, то такую форму можно назвать *латентным сокрытием*.

Историческое замещение слова λήθη термином ψεύδος отчасти скрывает этот онтологический горизонт ложного. Сокрытие в смысле *псевдос* в большей мере отсылает нас не к природе, а к сознанию, точнее, к сфере *означающих отношений*, то есть в ту область, где властвует не φύσις, а σήμα (знак). Сущностью знака является то, что он, показывая себя, отсылает к чему-то другому. При этом он не предъясвляет того, на что указывает, во всяком случае, не являет его так, как являет самого себя, то есть как указующее. В этом разделении *означающего* (указывающего) и *означаемого* (указываемого) коренится возможность сокрытия в смысле ψεύδος. В отличие от *латентного сокрытия*, которое можно понимать как вы-падение «за бытие», за границу присутствия, сокрытие в смысле *псевдос* предполагает *экранирование*. Экранирование не означает, что сущее просто ускользнуло (λήσω) из зоны присутствия. Сущее продолжает оставаться в этой зоне, но в характерном экранированным модусе. Это сокрытие по принципу «за-крытия» и «за-ставления». Чисто феноменологически — это другой вид бытия сокрытым. В забвении сущее настолько не явлено в своем сокрытии, что мы не чувствуем в этом никакой помехи и никакого подвоха. Но в заставленности нам особым образом явлена сама *помеха*, с которой мы имеем дело. Когда гора, стена или кустарник закрывают нам вид, мы имеем дело с такой формой сокрытости. Сокрытие чего-либо на *заднем* плане путем выдвигания иного (что мы, обнаружив, определяем как «не то») на *передний* план и есть «псевдос». Хайдеггер же говорит об этом так: «ψεύδος есть за-ставляющее сокрытие, “утаивание” в более тесном смысле слова»²⁸.

Употребленное Хайдеггером выражение engeren Sinne, переданное переводчиком как «тесный смысл»²⁹, в более привычном переводе означает «узкий смысл». Хайдеггер не объясняет, в чем его необходимость, но мы полагаем, что такое сокрытие обусловлено деятельностью сознания. Последнее присутствует в данном опыте сокрытия в виде интенции «что-то не то». То есть к этому виду сокрытия «примешивается» *сознание помехи или экрана*. Сознание того, что «что-то не то» обычно инициирует действие по устранению помехи и выведение сущего из заставленности. Назовем данный вид сокрытия *экранирующим сокрытием*. Отличие от первого вида здесь таково: в латентном сокрытии, то есть в забвении, сущее может быть спрятано настолько надежно, что мы об этом можем никогда не узнать. В таком виде сокрытости прячется само существо сокрытого и сокрытия. В экранированном же сокрытии, т. е. «псевдос», само сокрытие явлено, и явлено оно в виде помехи, *экрана*. Блуждающий в определенной мере «знает», что он заблуждается.

Указанное смысловое различие между λήθη и ψεύδος присутствует в «Теогонии» Гесиода (стих 233), где упоминается о том, что Понт родил Нерей «ненавистника лжи, правдолюбца»³⁰. В русском переводе это различие полностью потеряно. В греческом же оригинале фраза звучит так: «Νηρέα δὴ ἀψευδέα καὶ

ἀλήθεά»³¹. Употребленная здесь привативная форма ἀ-ψεύδος («не-скрывающий») вместе с ἀ-λήθές («не-сокрытый») только на первый взгляд создает видимость повторения. Нерей охарактеризован как «не скрывающий и несокрытый», иначе говоря, он не ложен, потому что не сокрыт. Феноменологический перевод этой фразы можно построить следующим образом: Нерей не находится в модусе экранирующего (сознательного) сокрытия, так как не находится в сфере бытийной сокрытости для самого себя (латентной сокрытости). Сильно огрубляя фразу, можно сказать, что он не лжет, потому что не находится в забвении в очерченном выше смысле выпадения из мира. Но такое огрубление необходимо нам только для того, чтобы подчеркнуть едва заметную акцентуацию на «субъекте» в смысле некоего намерения, которое и лежит в основе различения ψεύδος и λήθη. Вместе с тем, это не значит, что ψεύδος обязательно — характеристика действующего *субъекта*. *Псевдос* — это прежде всего бытийная ситуация заставленности сущего.

Мы сказали, что экранирующее сокрытие всегда себя определенным образом являет, а именно, с помощью экрана. В экранировании нет полного исчезновения объекта со сцены (плана сознания), как в случае забвения, которое само себя никак не обнаруживает. Забытое обнаруживается в противоположном — в актах припоминания. Всякое же *псевдо* являет себя в себе самом — в качестве закрывающей ширмы, и тем самым указывает на сокрытое. Ширма или экран — это сущее, сущность которого в заставлении другого сущего. Как сообщает Хайдеггер, «сущность совершающегося ψεύδος заключается в скрывающем вы-ставлении-напоказ (Zur-Schau-stellen)»³². Данное вы-ставление-напоказ, а проще говоря, выпячивание на передний план — само по себе есть некий феномен. Как всякий феномен, он указывает на самого себя — на сокрытие, которое являет себя в виде активного «навязывания ширмы» (ложных знаков), что само создает почву для последующего разоблачения в полном соответствии с русской поговоркой «на воре шапка горит».

Итак, всякое *псевдо* обнаруживает себя как скрывающий показ, то есть как ложное предъясвление наличности. Этим оно отличается от *забытия*, скрывающая сила которого надежно спрятана. В этом отношении — распознавания — сопротивляться забвению гораздо сложнее, нежели экрану. Между тем ψεύδος в своем отличие от λήθη так же может быть определенным образом дифференцировано, что опять таки определяется сущностным богатством самой сферы ложного. Греческий язык содержит не мало терминов, для обозначения различных видов утаивания: καλύπτω, κεύθω, κρύπτω, ἀλάτῃ.

Глагол καλύπτω обозначает «покрывать», «скрывать», «затмевать». В качестве антонима выступает известный нам термин «апокалипсис» (ἀποκάλυψις). Из этого словарного гнезда производно имя древнегреческой нимфы Калипсо (Καλυψώ). У Гомера с этой нимфой связана важная сюжетная линия в «Одиссее», состоящая в том, что она *хитростью и коварством* скрывает Одиссея на своем острове, погрузив героя в состояние забвения (λήθη). О Калипсо миф так же говорит, что она

²⁸ Хайдеггер М. Парменид. С. 77.²⁹ Heidegger M. Gesamtausgabe / Abt. II. Vorlesungen 1923–1944. Bd. 54. GmbH; — Frankfurt a. M.: Klostermann, 1983. — P. 48.³⁰ Гесиод. Полное собрание текстов / Вступительная статья В. Н. Ярхо. Комментарии О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. — Лабиринт, 2001. — С. 27.³¹ Hesiod. The Homeric hymns and Homericica / With an eng. transl. by Hüge G. Evelin-White. London: W. Heineman; — New York: The Macmillan Co. 1914. — P. 96.³² Хайдеггер М. Парменид. С. 86.

РАЗИНОВ Юрий Анатольевич / Yuriy RAZINOV

| Ложное как падшее: к анализу раннегреческого понятия «псевдос» |

ежедневно ткала ковры и покрывала, так что и само ее имя буквально переводится как «Скрывающая» или «Покрывающая». В этом же значении она является «покровительницей» героя. Примечательно что, всякое упоминание о Калипсо, сопровождается титулом «богиня богинь». Что стоит за этим стоит, сказать трудно, но очевидно, что для греческого сознания вообще (независимо от его философской «прививки») скрывающая богиня — не менее значимая фигура в пантеоне, нежели ее противоположность — богиня откровения Алетейя.

Важно отметить, что у Гомера «покрывать» и «скрывать» не во всех случаях обозначают обман, то есть нечто связанное с сознательной ложью. Глагол *καλύπτω* в наиболее часто встречающемся значении «закрывания» глаз или «покрывания» земель, указывает на то, что мы имеем дело вовсе не со *скрытностью*, как чертой характера, а всего лишь с *покровом*, то есть естественным состоянием сокрытости. *Καλύπτρα* — «покрывало», «вуаль», «кров», «крышка». Вместе с тем это значит, что обман, как утаивающее *действие*, имеет своим основанием естественную возможность сокрытия (бытия сокрытым). Такую возможность содержит скрывающая пещера, в которой Калипсо *прячет* Одиссея. Таким образом, в глаголе *καλύπτω* так же заключена определенная двусмысленность, состоящая в том, что, с одной стороны, он обозначает естественное *состояние закрытости* или наличие покрыва, а в другом — целенаправленное *действие сокрытия*, то есть произведение ложного в смысле обмана.

Ту же двойственность можно увидеть в случаях употребления глагола *κεῖθω*. В «Илиаде» говорится о том, что Троя скрывает богатства [XXII: 118]. В «Одиссее» сказано, что корабль Одиссея скрывает (хранит) драгоценное вино [IX: 348]. Там же говорится о том, что дом и двор скрывают, видимо закрывая от солнца, вступающих туда гостей [VI: 303]. «Такие способности укрывания и сокрытия входят в круг повседневных отношений и не свидетельствуют о каком-то особом статусе сущности сокрытия» — утверждает Хайдеггер³³. Подчеркивая непредумышленный статус сокрытия, он продолжает: «Для нас важнее узнать, что в той же “Одиссее” говорится о том, что земля скрывает мертвецов [III: 16], а в “Илиаде” сказано о погружении в сокрытость в Аиде (Ἄϊδι κεῖθωμαι) [XXIII: 244]»³⁴. Между тем в этом своем «онтологическом» прочтении греческого языка и стремлении к «десубъективации» заложенных в нем смыслов Хайдеггер нивелирует реальную двусмысленность. Создается впечатление, что он намеренно приводит лишь те примеры, где сокрытие выступает в форме *естественной сокрытости*. Между тем глагол *κεῖθω* употребляется у Гомера и в смысле *намеренного сокрытия*. В той же «Одиссее» звучит обращение: «Вот почему не скрывай (*κεῖθε*) ты от нас осторожную мыслью» [8: 548] (пер. В. В. Вересаева).

Особенно заметно указанная ангажированность Хайдеггера в интерпретации глагола *καλύπτω*, от которого производно слово «криптография» (буквально «тайнопись»). «Глагол *καλύπτειν* — сообщает он — употребляется прежде всего по отношению к “ночи”»³⁵. Философ желает этим подчеркнуть то обстоятельство, что день и ночь указывают на событие

раскрытия и сокрытия, происходящее *в самом существе*. День и ночь — универсальные символами этого события. Однако в большинстве случаев у Гомера *καλύπτω* употребляется именно как глагол *сознательного* укрывания. В «Одиссее» о Циклопах говорится в том смысле, что «вида они своего не скрывают (*κατακαλύπτουσιν*)» [7: 205], а о переодевшемся в одежду нищего Одиссея сказано: «Так себя скрывши (*κατακαλύπτων*), совсем он другому был мужу подобен» [4: 245] (пер. В. В. Вересаева).

Сокрытие данного вида означает обман, хитрость, лукавство для обозначения которых у греков существует другой термин — *ἀλάτι*. Переводимое как «обман», «хитрость», «зablуждение», «ложный путь», это слово в отличие от других имен имеет ярко выраженную топологическую семантику. Образованное путем прибавления привативной *ἀ* к слову *λάτι*, *λάτος* («путь»), оно буквально означает «не-путь» («беспутица»). Поскольку *λάτος* означает путь в смысле *тропинки, стези*, то есть *хоженой* дороги, то всякое отклонение от *λάτι* является как *блужданием* в смысле бытия в сокрытости, так и *зablуждением* в смысле нарушения правила или нормы. В русском языке, благодаря топологической коннотации, ближе всего к слову *ἀλάτι* стоит слово «кривда». Характер или душевный «почерк» человека непослушного, движущегося окольными путями, часто отклоняющегося в сторону, в русском языке выражается прилагательным «непутевый». «Апатэ» прежде всего означает «обходной маневр» или «объездной путь». Таким путем движется Одиссей, за которым греческая традиция закрепляет прозвище «оборотистого» и «хитроумного» (*πολύτρολος*) обманщика. Символом такого пути является море и долгое возвращение Одиссея в родной дом.

Опять таки мы имеем дело с двуликим термином. «Апатэ» обозначает не только преднамеренный обман, но и «бессознательное» заблуждение, ошибку. В диалоге Платона «Пир» в рассуждении о том, в каких случаях «обмануться не позорно», сообщается: «Если кто отдался человеку над вид порядочному, рассчитывая, что благодаря дружбе с таким поклонником станет лучше и сам, а тот оказался на поверку человеком скверным и недостойным, — такое заблуждение (*ἀλάτι*) всё равно остается прекрасным»³⁶. В «Гиппии большом» [294a] и «Федре» [261e] *ἀλάτι* употребляется в страдательном смысле «обмануться», оказаться сбитым с пути, с толку³⁷. Таким образом, в употреблении и этого термина имеется явная двусмысленность, обусловленная тем, что *греческий язык схватывает и удерживает вместе оба плана сокрытия: естественную сокрытость существа и сокрытие существующего в нем человека*.

То же самое можно сказать в целом и о *ψεύδος*, которое понимается греками как феномен *активно-пассивной*, всякий раз сложно градуированной вовлеченности в природы и человека отношение сокрытия. Экранирование существа может стать следствием как сознательного действия, так и объективных причин. В последнем случае это «не притворство, не обманчивые манеры человека, то есть, говоря современным языком, не поведение “субъекта”, а “объективное” событие: такое собы-

³³ Там же. С. 135.³⁴ Там же. С. 135.³⁵ Там же. С. 136.³⁶ Платон. Пир // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1993. — С. 93.³⁷ Platonis Opera // Scriptorum Classicorum Bibliotheca Oxoniensis. Ed. III. T. I–VI. OXON II, Typogr. Clarendoniano. T. II; III.

РАЗИНОВ Юрий Анатольевич / Yuriy RAZINOV

| Ложное как падшее: к анализу раннегреческого понятия «псевдос» |

тие, которое совершается в самом сущем. Экранами могут быть не только вещи, но и общественные отношения, социальные интересы, бессознательные желания, т. е. нечто о человеке и в самом человеке. Такие виды сокрытия столь же «естественны», как и забывание в смысле «бессознательного» соскальзывания в сферу ложного.

На основании сказанного следует заключить, что сокрытие в первоначальном, то есть *онтологическом* смысле — не просто ментальный акт искажения истины, не ложь в обычном смысле этого слова. Ложь как *искажение* сама есть производная сокрытости как модуса *присутствия в мире*. Лжец не просто искажа-

ет действительность, но сам существует в естественной искаженности его «косматой», как сказал бы Платон, души. Душа, упавшая наземь и «забывшая» сущностные аспекты алетей не может не заблуждаться, а если сознательно врет, то «не по своей воле», как полагал Сократ. Иначе говоря, ложь как *искажающий логос* есть *следствие*, а не причина экранированности бытия — того застилания и помрачения вида на сущее, которое всегда присутствует на первом шаге. Причиной искажения ложь становится на втором шаге — шаге сознания. Такова *двуплановость*, если не сказать, *двусмысленность* раннегреческого понятия ложного.

